

IJTIMOYIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

VOL.3 № 2

2026

SHAXSNING URUSH VA ZAMON SINOVIDAN O‘TISHI: S. AHMADNING «UFQ», CH. AYTMATOVNING «YUZMA-YUZ» VA V. RASPUTINNING «YASHA VA ESLA» ASARLARINING QIYOSIY TAHLILI

Karimov Namoz Mamasaliyevich

Jizzax davlat pedagogika universiteti, katta o‘qituvchi

Annotatsiya

Ushbu maqola dezertirlik va Ulug‘ Vatan urushi davrida axloqiy tanlov mavzusi bilan birlashtirilgan sovet adabiyotining uchta muhim asarining qiyosiy tahliliga bag‘ishlangan. Muallif ekstremal sharoitlar va zamon bosimi ostida qahramonlar shaxsiyatining o‘zgarishini o‘rganadi. E’tibor markazida Andrey Guskov, Ismoil va Tursunboy obrazlarini taqqoslash, shuningdek ayol qahramonlarning dezertirlikning axloqiy qarama-qarshiligi sifatidagi roli turadi. Ayb, vijdon va tarixiy xotirani talqin qilishning milliy o‘ziga xosligi hamda umuminsoniy universalligi ochib beriladi.

Kalit so‘zlar: dezertirlik, axloqiy tanlov, Said Ahmad, Chingiz Aytmatov, Valentin Rasputin, qiyosiy adabiyotshunoslik, ekzistensial inqiroz.

ИСПЫТАНИЕ ЛИЧНОСТИ ВОЙНОЙ И ВРЕМЕНЕМ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «ГОРИЗОНТ» С. АХМАДА, «ЛИЦОМ К ЛИЦУ» Ч. АЙТМАТОВА И «ЖИВИ И ПОМНИ» В. РАСПУТИНА

Каримов Намоз Мамасалиевич

Джизакский государственный педагогический университет, старший преподаватель

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу трех знаковых произведений советской литературы, объединенных темой дезертирства и нравственного выбора в годы Великой Отечественной войны. Автор исследует трансформацию личности героев под давлением экстремальных обстоятельств и времени. В фокусе внимания – сопоставление образов Андрея Гуськова, Исмаила и Турсунбая, а также роль женских персонажей как этических антиподов дезертирства. Выявляется национальное своеобразие и общечеловеческая универсальность трактовки вины, совести и исторической памяти.

Ключевые слова: дезертирство, нравственный выбор, Саид Ахмад, Чингиз Айтматов, Валентин Распутин, сравнительное литературоведение, экзистенциальный кризис.

TESTING OF PERSONALITY THROUGH WAR AND TIME: A COMPARATIVE ANALYSIS OF S. AHMAD'S «HORIZON», CH. AITMATOV'S «FACE TO FACE», AND V. RASPUTIN'S «LIVE AND REMEMBER»

Karimov Namoz Mamasaliyevich

Jizzakh State Pedagogical University, Senior Lecturer

Abstract

The article is devoted to a comparative analysis of three significant works of Soviet literature, united by the theme of desertion and moral choice during the Great Patriotic War.

The author examines the transformation of the characters' personalities under the pressure of extreme circumstances and time. The focus is on comparing the images of Andrei Guskov, Ismail, and Tursunboy, as well as the role of female characters as ethical antipodes of desertion. The national identity and universal human significance of the interpretation of guilt, conscience, and historical memory are revealed.

Keywords: desertion, moral choice, Said Ahmad, Chingiz Aitmatov, Valentin Rasputin, comparative literature, existential crisis.

Великая Отечественная война в литературе второй половины XX века пережила глубокую трансформацию: из монументального панегирика героизму, характерного для официального дискурса 1940–1950-х годов, она превратилась в полигон для смелого этико-психологического анализа. Если в ранней военной прозе акцент делался на коллективном подвиге, патриотическом единстве и безусловной жертвенности, то в эпоху «оттепели» и последующих десятилетий писатели сместили фокус на внутренний мир человека, оказавшегося в экстремальных условиях тотальной войны. Испытание войной стало восприниматься не только как проверка на храбрость в окопе или стойкость под огнём, но прежде всего как экзистенциальный кризис, в котором обнажаются предельные границы человечности, совести и ответственности. В этом контексте особое значение приобретают произведения, смело обращающиеся к табуированной теме – дезертирству. Повесть Валентина Распутина «Живи и помни» (1974), «Лицом к лицу» Чингиза Айтматова (1975) и военная часть трилогии «Горизонт» узбекского классика Саида Ахмада представляют собой уникальный сопоставительный комплекс, поскольку в центре их сюжетной конструкции лежит именно «антигероический» поступок – бегство с поля боя, отказ от воинского долга, который традиционно воспринимался как предельное падение.

Однако авторы намеренно отказываются от морализаторства и однозначных оценок, превращая дезертирство в линзу, сквозь которую исследуются сложнейшие вопросы: где проходит грань между трусостью и инстинктом самосохранения? Как соотносятся долг перед Родиной и долг перед собственной совестью? Что остаётся от человеческого достоинства в условиях, когда государство требует абсолютной самоотдачи, не оставляя пространства для сомнений? У Распутина дезертир Андрей Гуськов возвращается в родную деревню и скрывается в лесу, но его поступок обрушивает трагедию на жену Настёну, вынужденную хранить мучительную тайну перед односельчанами. Здесь война выступает не как внешнее событие, а как катализатор внутреннего раскола: личная вина переплетается с коллективной ответственностью, а молчание становится формой соучастия. У Айтматова в «Лицом к лицу» проблема обретает историко-философское измерение: сын, выросший в почёте как сын «погибшего героя», обнаруживает, что отец не пал смертью храбрых, а оказался предателем. Дезертирство здесь – не только личный проступок, но и разрыв в памяти поколений, травма национальной идентичности, заставляющая пересмотреть саму природу героизма и патриотизма. Саид Ахмад в трилогии «Горизонт» (особенно в романе «Буря над горизонтом») исследует эту тему через призму национального и культурного контекста: его герой, узбекский юноша, столкнувшийся с чуждостью фронтовой реальности и отчуждением в многонациональной армии, переживает дезертирство как кризис принадлежности – к родной земле, к коллективу, к самому себе.

Объединяя эти произведения, авторы создают многоголосый хор, в котором война предстаёт не как триумфальная эпопея, а как трагедия человеческого выбора в условиях, где любое решение оборачивается страданием. Отказ от идеализации

позволяет увидеть войну в её подлинной, неприукрашенной сложности: как пространство, где героизм и трусость, долг и самосохранение, честь и позор существуют не как антагонистические категории, а как точки непрерывного морального спектра. Такой подход не оправдывает дезертирство, но требует его понимания – не как юридического или военного проступка, а как симптома глубинного кризиса личности в экстремальной исторической ситуации. Именно в этом заключается гуманистическая миссия литературы второй половины XX века: она сместила акцент с внешнего подвига на внутреннюю борьбу, утверждая, что истинное испытание войной – это не столько способность убить врага, сколько умение остаться человеком перед лицом собственной слабости, страха и неизбежной вины.

Феноменология предательства: мотивы и истоки. Дезертирство у всех трех авторов – это не акт политического несогласия, а результат психологического надлома. Однако генезис этого надлома различен.

- Андрей Гуськов (В. Распутин): Его предательство рождается из обиды на судьбу. Раненный в конце войны, он не находит в себе сил вернуться на фронт, когда «победа уже за углом». Его дезертирство – это стихийный протест против несправедливости смерти. Как отмечает исследователь Ю. Селезнев, Гуськов «выбрал себя вместо мира, и тем самым исключил себя из мира» [4, с. 112].

- Исмаил (Ч. Айтматов): Здесь дезертирство сопряжено с социальным эгоизмом. Исмаил в повести «Лицом к лицу» оправдывает свой поступок любовью к семье, но на деле эта любовь оборачивается паразитизмом. Айтматов подчеркивает, что дезертир крадет не только у государства, но и у своего рода, нарушая законы общины.

- Турсунбой (С. Ахмад): В романе «Горизонт» образ Турсунбоя выписан через призму семейной трагедии и восточного менталитета. Если у Распутина герой одинок в своей тайне, то у Саида Ахмада акцент смещается на конфликт с отцом – Икромжоном. Предательство Турсунбоя становится позором для всей махалли, что подчеркивает коллективистскую природу восточного общества [1, с. 45].

Женские образы как моральный абсолют. Центральная ось всех трех произведений – это женщина, вынужденная нести крест мужниного позора. Настена, Сейде и Джаннат (а также материнские образы у Саида Ахмада) становятся истинными судьями своих мужчин.

«Настена – это душа, взявшая на себя грех плоти. Ее гибель – не признание поражения, а единственный способ искупить вину, которую не желает признавать Андрей» [5, с. 89].

В сопоставительном аспекте можно выделить три типа женской реакции:

1. Жертвенность (Настена): До конца разделяет судьбу мужа, деградируя вместе с ним социально, но возвышаясь духовно.

2. Прозрение (Сейде): Проходит путь от слепой преданности к осознанию преступности Исмаила. Момент, когда она видит мужа, ворующего телят у вдовы, становится точкой невозврата.

3. Социальное осуждение и боль (Женские образы «Горизонта»): У Саида Ахмада женщина встроена в систему семейных ценностей. Боль матери Турсунбоя – это боль за поруганную честь дома, за «уфк» (горизонт), который для сына навсегда сузился до размеров ямы.

Метафизика пространства и времени. Испытание временем в данных произведениях проявляется через изменение пространства вокруг героя. Все дезертиры проходят путь от «дома» к «дыре» (пещере, лесному зимовью, подвалу).

- Пространство сужения: Для Гуськова Атамановка становится чужой, он

превращается в «оборотня». Для Исмаила горы Тянь-Шаня из родных превращаются в тюремные стены. Для Турсунбоя пространство ограничивается подполом, где он живет как тень.

- Вердикт времени: Время в произведениях течет по-разному. Фронтное время – это время истории. Время дезертиров – это время биологического распада. Саид Ахмад в «Горизонте» мастерски показывает, как послевоенное время, время созидания и расцвета, становится для предателя самым страшным наказанием: жизнь продолжается без него [2, с. 210].

Национальное и универсальное в трактовке греха. Несмотря на сходство фабулы, национальный контекст вносит свои коррективы в финал.

- У Распутина финал трагичен и иррационален (самоубийство Настены). Это русская традиция поиска вины и искупления через страдание.

- У Айтматова финал – это этический приговор. Сейде сама выдает местонахождение Исмаила (в ранних редакциях) или отрекается от него, что соответствует логике сурового кочевого права и гуманизма XX века.

- У Саида Ахмада акцент сделан на несовместимости предательства с понятием «узбекского характера». Икромжон, отец Турсунбоя, сам вершит суд над сыном, потому что честь рода выше кровных уз.

Сопоставительный анализ произведений Саида Ахмада «Горизонт», Чингиза Айтматова «Лицом к лицу» и Валентина Распутина «Живи и помни» позволяет сделать глубокий вывод: тема дезертирства в литературе 1970-х годов перестала быть маргинальным сюжетом и превратилась в мощный этико-философский инструмент для зондирования предельных границ человеческой личности. Этот период — эпоха «застоя», внешне стабильная, но внутренне напряжённая — оказался плодотворной почвой для обращения к травмам прошлого: писатели, не в силах напрямую критиковать современность, обратились к войне как к метафоре экзистенциального кризиса, где проверялись не только патриотизм, но и сама сущность человека.

Война в этих текстах функционирует как своеобразный «проявитель» скрытых качеств души – подобно химическому раствору, обнажающему невидимые ранее контуры личности. У Распутина лес, куда скрывается дезертир Андрей Гуськов, становится не убежищем, а камерой пыток совести: каждое молчание жены, каждый взгляд односельчан превращается в зеркало, в котором герой видит собственное ничтожество. У Айтматова дезертирство отца обнаруживается посмертно, но его тень деформирует жизнь сына, вынужденного заново строить идентичность на руинах семейного мифа. У Саида Ахмада герой, покинувший строй в чуждой ему фронтной реальности, сталкивается с ещё более жестоким испытанием – отчуждением от родной культуры, где его поступок воспринимается не как воинская провинность, а как предательство коллективной памяти и традиции. Время здесь выступает не как абстрактная категория, а как неумолимый судья: оно отделяет мгновенную слабость – проступок, совершённый в панике или отчаянии – от системного духовного краха, когда человек, однажды избравший путь бегства, уже не способен вернуться к себе прежнему.

Примечательно, что все три автора – представители разных культурных традиций (русской, кыргызской и узбекской), воспитанные в духе советского интернационализма, но глубоко укоренённые в национальном менталитете – сходятся в одном фундаментальном убеждении: личность, поставившая своё эгоистическое «Я» выше общего «Мы» в час исторических испытаний, обрекает себя на процесс внутреннего расчеловечивания. Это расчеловечивание проявляется не в физическом уничтожении, а в постепенной утрате способности к эмпатии, к диалогу, к принятию

ответственности. Андрей Гуськов у Распутина превращается в «тень среди теней», его существование сжимается до примитивного инстинкта выживания; отец у Айтматова, даже мёртвый, остаётся символом разорванной связи поколений; герой Саида Ахмада теряет не только честь воина, но и связь с землёй, языком, памятью предков – теми координатами, которые формируют подлинное «я» в восточной культуре.

Именно в этом заключается трагическая глубина прозы 1970-х: авторы не осуждают дезертиров с позиции воинского устава или идеологической догмы – они показывают, как сам человек становится собственным палачом, когда отказывается от долга перед коллективом. Физическая смерть на поле боя здесь противопоставляется более страшной участи — медленному угасанию души в условиях внешней безопасности. Так литература того времени совершила этический поворот: она перестала мерить героизм количеством убитых врагов или медалей на груди и обратилась к внутреннему пространству человека, где истинная битва разворачивается не с внешним противником, а с собственной совестью. В этом смысле дезертирство стало не темой предательства, а линзой, сквозь которую писатели исследовали вечный вопрос: что остаётся от человека, когда он теряет право называть себя частью общего целого?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмад С. Горизонт: Трилогия / Пер. с узб. - Ташкент: Шарк, 2018. - 640 с.
2. Айтматов Ч. Лицом к лицу // Повести и рассказы. - М.: Молодая гвардия, 1982. - С. 154–230.
3. Распутин В. Живи и помни. - М.: Советский писатель, 1975. - 256 с.
4. Селезнев Ю. И. Вечное движение (Очерки о современной прозе). - М.: Современник, 1976. - 254 с.
5. Темирбекова Ж. Национальное своеобразие психологизма в творчестве Саида Ахмада и Чингиза Айтматова. - Самарканд, 2012. - 180 с.
6. Эйдинова В. Психологическая проза В. Распутина: философский аспект. - Екатеринбург, 2005.